

— Хорошо.

Оставалось только как можно скорее дождаться конца этих трёх месяцев.

Как только Ын Юль принял условие, уголки губ Кан Ха Джун мягко приподнялись. Он улыбнулся так, будто был в превосходном настроении.

— Завтра будет интересно, — сказал он.

Какое же утро их ждёт?

Открыв глаза, Кан Ха Джун, ещё не до конца проснувшись, тут же поднялся. Он не мог оставаться в постели — вдруг всё, что случилось прошлой ночью, окажется лишь сном.

Вчера Сон Ын Юль согласился на его предложение — три месяца жить вместе в одном доме. Из всего прошлого они коснулись только темы долгов.

Определив, в какой комнате поселится, он взял на руки Ха Ныля. Казалось бы, нужно было сразу занести его в спальню, но он повёл ребёнка по дому, показывая каждый уголок.

— Вот эту ванную можно использовать. Здесь можно пить воду, а ещё....

Он хотел, чтобы проснувшийся утром в новом месте мальчик не чувствовал себя чужим. Наблюдая за этим, Кан Ха Джун испытывал странное чувство. Он понимал, что перед ним уже не тот Сон Ын Юль, которого он знал, но отвести глаза было невозможно.

А вдруг он передумает и уйдёт? С этой мыслью Ха Джун сидел возле комнаты Ын Юля, пока не задремал.

Потирая сухие глаза, он вышел и встал у двери.

«Семь часов», — посмотрел он на время. Если посчитать с того момента, как Ын Юль зашёл в комнату, уже мог проснуться. Постучать или нет? Раздумывая, он прислонился к стене.

— Ху-у.

С тех пор как всё вскрылось, разговаривать с Ын Юлем стало труднее. Дело было не в том, что он родил Ха Ныля. Он улыбался, шутил, но между ними оставалась отчётливая граница. Даже когда просил защитить ребёнка, о себе самом он не сказал ни слова.

Граница была слишком ясной, и у Ха Джуна не находилось повода её переступить. Он ведь не мог оправдаться тем, что любит Ын Юля, или удержать его, прикрываясь Ха Нылем.

«Три месяца».

Оставалось только прожить их как можно лучше.

Приняв решение, он снова подошёл к двери. Если реакции не будет — приготовит завтрак. Но едва поднял руку, дверь сама открылась. Он даже удивился: неужели говорил вслух слишком громко? Он ожидал увидеть недовольный взгляд Ын Юля, но вместо этого замер в растерянности.

Перед ним никого не оказалось. Зато на уровне его пояса, едва держась на ногах и протирая глаза, вышел маленький ребёнок. Ха Ныль.

— Ах... — слова приветствия застряли.

Мальчик уже прошёл мимо, поэтому обычное «Доброе утро, хорошо спал?» так и не прозвучало.

— Доброе утро, — пробормотал Ха Ныль и, едва держась на ногах, зашёл в ванную.

Ха Джун осторожно пошёл следом. Судя по звуку воды, ребёнок торопился по делу. Но дверь не закрыл. Заглянув, он увидел: тот встал на подставку, достал щётку, выдавил пасту и начал чистить зубы.

— Раз, два, три, четыре, фэйв, сикс, сэвен, пал, ку, тэн... — считал Ха Ныль, перемежая корейский и английский.

Щётка во рту мешала выговаривать слова, но мальчик явно отмерял количество движений. Он тщательно прошёлся по коренным, передним, внутренним зубам и даже языку. Потом прополоскал рот водой из стакана, умылся и вытерся полотенцем.

Лицо стало свежим и бодрым. Ха Ныль вышел из ванной. А Ха Джун, ошеломлённо уставившись на раковину, всё осознавал: пятилетний ребёнок только что сам почистил зубы и умылся?

Он никогда не воспитывал детей и не знал, нормально ли это. Недоумённо покачав головой, он пошёл искать мальчика.

А тот уже пил воду и, взобравшись на стул, изучал содержимое холодильника. Обернулся, заметив его взгляд, и тут же показал пальчиком внутрь:

— Я хочу клубнику. Помоеете?

— ...Хорошо.

Как можно было отказать?

Заглянув внутрь, Ха Джун увидел, что домработница действительно запасла продукты. Он достал упаковку клубники. В это время Ха Ныль спрыгнул со стула, аккуратно отодвинул его к столу и сел.

Невольно диву даёшься: такая кроха, а двигается так ловко.

— Клубника по утрам полезна, — сообщил Ха Ныль. — И для кожи хорошо, и от простуды защищает. Так что можно есть.

Он, видимо, подумал, что Ха Джун медлит из сомнений.

— Верно, клубника полезна, — согласился тот.

И тут раздался сонный голос. Вышедший, едва держась на ногах, Ын Юль с нераскрытыми глазами рухнул на стол напротив сына.

— Но ведь папа знает, — протянул он. — Знает, почему Ха Ныль выбирает клубнику.

В его ленивом голосе звучала шутка.

— Потому что ты — Клубничный Принц.

— А-а!

— Можно было бы и яблоко поесть, но принц выбирает клубнику. Потому что она для кожи? Нет. Просто потому что наш Ха Ныль её обожает.

— Ох, попался, — мальчик театрально схватился за щёку и, как отец, уткнулся в стол.

Они оба засмеялись, глядя друг на друга. Получилось удивительно тёплое утро. Если не считать ошарашенного Кан Ха Джуна.

Пятилетний мальчишка сам умывается и чистит зубы, а отец валяется на столе, ленивый до предела. И это казалось таким естественным, что Ха Джун почувствовал себя чужаком. Будто

попал в странную страну.

После завтрака, в котором была и клубника, Ха Ныль вдруг взглянул на свою одежду.

— Можешь снять. В комнате есть твои вещи, — подсказал Ын Юль, отпивая кофе.

Тут же мальчик снял одежду, отнёс в корзину у прачечной и побежал переодеваться.

— В таком возрасте дети обычно всё делают сами? — спросил Ха Джун.

— Кто-то да, кто-то нет. Но рядом с Ха Нылем таких нет, — ответил Ын Юль.

Он уточнил:

— Значит, ты его сам приучил?

— Да.

Ха Джун кивнул. Ын Юль поднял взгляд и спокойно сказал:

— Спрашивайте всё.

— ...

— Вам же нужно знать о Ха Ныле. Так что не думайте — можно ли.

Будто прочитав его мысли, Ын Юль сам снял напряжение. И Ха Джун спросил первое, что пришло в голову:

— Обычно зубы детям чистят взрослые, разве нет?

— На ночь я чищу сам. И раз в три месяца ходим в стоматологию — проверяют кариес и делают фторирование. В два года у него уже была ранняя стадия кариеса, вот с тех пор постоянно следим. Врач говорит, что уход отличный.

Ха Джун и представить не мог, сколько волнений и усилий стояло за тем, что ребёнок сегодня чистит зубы сам.

— Молодец, — невольно вырвалось у него.

От этой похвалы Ын Юль чуть вздрогнул, отвёл взгляд и сделал вид, что сосредоточен на кофе. Конечно, речь шла о Ха ныле, а не о нём.

— Ещё вопросы?

— Ты назвал его Клубничным Принцем?

— Да. Он больше всего любит клубнику. Ещё киви, манго. Виноград-кишмиш — только если очистить и вынуть косточки.

Говоря быстро, не глядя в его сторону, Ын Юль перечислял:

— Яблоки и груши не любит — слишком твёрдые. Помидоры-черри ел и потом вырвало, с тех пор не переносит. Лучше выучить его вкусы — пригодится.

— Да, запомнить легко, — кивнул Ха джун и сделал глоток кофе.

— Легко запомнить?

— Угу.

Ын Юль больше не стал уточнять. Ему и так было ясно. Ха ныль любил мягкие фрукты, а сам Ын Юль — наоборот, хрустящие яблоки. Поэтому у них всегда должно быть всего понемногу — как и говорила бабушка Лим Бон Су.

Ын Юль, допив кофе, встал.

Он отнёс чашку к раковине, поставил её и, обернувшись, открыл холодильник, заглянул внутрь, но тут же закрыл.

— Спасибо за завтрак, — сказал он, остановившись напротив Кан Ха Джуна, прежде чем пройти мимо. — Сегодня я поел только потому, что Ха Ныль мог чувствовать себя неловко. Но вообще я обычно завтраки не ем. Впрочем, раз сегодня ел, то и тебе тоже приготовлю.

Это значило: «Даю ровно столько, сколько получил».

Опять чувствовалась дистанция, и взгляд Ха Джуна слегка потускнел.

— Тут я освоюсь попозже, а пока... сможешь прийти в закусную? — спросил Ын Юль .

На это Кан Ха Джун лишь бессильно усмехнулся. Самому себе он показался жалким: чего он вообще ждал?

— Ладно, потом заеду за тобой. Тогда и приготовь, — сказал он.

Один шаг.

Без лишних надежд — лишь один маленький шаг навстречу.

Ын Юль кивнул и направился в комнату, но вдруг остановился. Будто вспомнив что-то, он обернулся и спросил:

— Ты баклажаны ешь?

Кан Ха Джун только нахмурился в ответ.

— Так вот откуда у Ха Ныля этот вкус, — пробормотал Ын Юль, ведя ребёнка в детский сад, а потом направляясь к закусочной.

С самого детства он учил сына не быть привередой в еде, и Ха Ныль это хорошо понимал.

— Морковь полезна для глаз.

<http://bllate.org/book/14449/1277824>